

Деревня Речного Отдыха была затерянным, неприметным уголком на самом юго-востоке страны Великого Спокойствия. Из-за бездорожья и огромного расстояния до столицы жизнь здесь текла скудно, и мало кто из местных жителей мог похвастаться достатком.

Впрочем, благодаря тому, что деревня приютилась у подножия гор и на берегу реки, земля здесь была ровной и плодородной. С голоду никто не умирал — при должном усердии земля-кормилица всегда давала кусок хлеба.

Едва началось лето, но утреннее солнце уже припекало вовсю. Детвору, любившую поспать подольше, взрослые бесцеремонно выгоняли из постелей на улицу — приниматься за работу.

И вдруг с восточной окраины долетел весёлый перестук гонгов и визг суоны. Этот шум мигом расшевелил сонную деревню.

Любопытные кумушки тут же высунулись из окон, расспрашивая прохожих:

— Ой, бабоньки, что там стряслось-то на востоке? Кто ж в такой день свадьбу играет?

— И не говори! Гадатель ведь ясно предупреждал: день сегодня для брака несчастливый. Кого ж понесло на рожон лезть, беду кликать?

Женщины затрепали без умолку, пока проходивший мимо ханьцзы не оборвал их, нахмурившись:

— Хватит языками чесать! Это же младшего сына семьи Фан с восточной окраины женят. Тот совсем захудал, на ладан дышит. Вот его бабка и рассудила: по совету мастера нашли шуаньэр из соседней деревни, у которого «восемь иероглифов» сходятся, и решили сыграть чонси — прогнать недуг свадьбой. Да только всё в такой спешке затеяли, что никто и прознать не успел!

Эти слова лишь подлили масла в огонь.

— Младшенький Фанов? Тот, что Чжуншань? Ему ведь уже под двадцать? Не его ли на днях брат из соседней деревни в воду скинул за то, что к девке приставал?

— Его, его! Видать, в воде-то он всю спесь и растерял, простудился до полусмерти!

— Да уж, разбаловали парня! Старуха в нём души не чает, братья во всём потакают, вот он и оборзел совсем. Первый разбойник на селе! То кур ворует, то пакостит. Третьего года мой бахчевой огород со своей шайкой разорил... Как вспомню, так сердце кровью обливается!

— Грех один! Какое тут «изгнание недуга»? Несчастный шуаньэр, которому не повезло подвернуться под руку. Сгинет ведь с таким мужем!

Кумушки разошлись не на шутку: то сулили Чжуншаню скорую смерть, то сокрушались о горькой доле бедного шуаньэр.

И подобные пересуды велись по всей деревне Речного Отдыха.

Семья Фан считалась в этих краях зажиточной — поговаривали, их предок когда-то даже сдал экзамен на степень цюця. Кое-какие деньжата у них водились, поэтому поглазеть на свадьбу-чонси потянулось полдеревни.

Как и на обычных свадьбах, ворота и стены дома Фанов украсили красным шёлком. В просторном дворе, обнесённом плетнём, расставили одолженные у соседей длинные столы и низкие табуреты. Гости, рассевшись, вытягивали шеи в ожидании новобрачного.

— Слышал, он из соседней деревни Цзян, — вполголоса заговорил один из самых осведомлённых гостей. — Кажется, зовут его Цзян Жан.

— О, знакомое имя, — оживился его сосед. — Говорят, его родного отца унесло наводнением, когда малец был совсем крохой. Отец погоревал, да через пару лет привёл в дом нового папу, господина Юаня. А тот везучим оказался — едва порог переступил, как понёс. И надо же — родил двойню! Да не просто двойню, а мальчика-ханьцзы и девочку! О таком счастье другие и мечтать не смеют!

Гости понимающе закивали.

— Ну ещё бы! Ханьцзы и девочки — на вес золота, а шуаньэр — кому они нужны? Да ещё и неродному отчиму поперёк горла стоял. Неудивительно, что парня сбагрили этому задохлику Чжуншаню ради спасения его никчёмной жизни!

— Жалко беднягу... Хотя у Фанов водятся монеты, наверняка отвалили щедрый выкуп.

— Пфе! Да сколько бы ни дали, всё заграбастал отчим для своих любимчиков!

Разговор смолк, едва за забором громче заиграли гонги. Гости дружно уставились на калитку, желая рассмотреть злосчастного шуаньэр.

Пока во дворе гремела музыка, в комнатах дома царило уныние.

Старая госпожа Фан, разменявшая седьмой десяток, горестно вздыхала у постели. На кровати лежал бледный, измождённый юноша-ханьцзы. Даже печать тяжёлой болезни не могла скрыть его красивых черт лица и упрямого разлёта соболиных бровей, выдававших в нём прежнего

гуляку.

Глава семейства Фан Юань, глядя на плачущую мать и полумёртвого сына, лишь тяжело дышал от досады. Он отвернулся к окну, не желая ни на кого смотреть.

Младший брат Фан Юаня, Фан Ди, неловко переминался с ноги на ногу у стола. Глядя на угрюмого брата и рыдающую мать, он решился нарушить молчание:

— Матушка, полно вам убиваться. Гадатель ведь сказал, что у Чжуншаня судьба счастливая. Обойдётся всё, поправится парень.

Старая госпожа Фан от этих слов расплакалась ещё пуще:

— Да кабы счастливая была, разве ж лежал бы он сейчас пластом?! Бедный мой сиротка, с пелёнок без матери рос! Младшенький, любимый... Ох, довели его эти ироды из семьи Цзян! Скажу прямо: если мой внучок не сдюжит, я своей старой костью лягу, а жизнь им попорчу!

Старая госпожа Фан в ярости стукнула кулаком по колену.

Те самые брат с сестрой Цзян, которых она проклинала, и были виновниками несчастья.

Чжуншаня в семье баловали сверх меры. К девятнадцати годам он вырос на редкость бестолковым и праздным малым. Мелкие шалости быстро сменились походами по сомнительным заведением в компании таких же бездельников.

Впрочем, девушки в этих краях ценились высоко и на людях показывались редко — всё больше шуаньэр попадались на глаза. Но Чжуншань, гордившийся своей смазливой внешностью, на шуаньэр и смотреть не желал. Ему непременно хотелось завоевать сердце нежной красавицы, чтобы утереть нос приятелям.

В тот злополучный день Чжуншань с собутыльниками отправился кутить в город Процветающего Ян. Там они и заметили прогуливавшуюся у озера девицу Цзян Чуньсю в сопровождении её брата Цзян Юэ.

Очарованный красотой девушки, Чжуншань под зазорные выкрики дружков решил попытать счастья. Спьяну он преградил ей дорогу и принялся сыпать пошлыми шуточками, подхваченными в весёлых кварталах.

Чуньсю, выросшая в строгости, перепугалась и спряталась за спину брата. Разозлённый Цзян Юэ, недолго думая, с размаху пнул наглеца прямо в воду.

Плывать Чжуншань не умел. Он с криком ушёл на дно, отчаянно барахтаясь и заглатывая

мутную воду. Если бы не оказавшиеся поблизости умелые пловцы, там бы его история и закончилась. Из воды-то его вытащили, но пережитый страх и простуда подкосили парня. С каждым днём ему становилось всё хуже, пока несчастные родственники не забили тревогу.

Фан Юань молча слушал причитания матери, тяжело вздыхая про себя. В глубине души он понимал: виноват во всём сам Чжуншань. Если начать тяжбу с семьёй Цзян, позора не оберёшься.

— Матушка, оставьте пока этих Цзяней, — глухо произнёс Фан Юань. — Нам бы о сыне подумать... Надо позвать Чжунси и Чжунсиня. Пусть попрощаются с братом, если... если Чжуншань не дожждётся жениха.

Чжунси был родным братом больного, а Чжунсинь — двоюродным. Оба уже крепко стояли на ногах и могли помочь с неизбежными хлопотами. Намёк отца был предельно ясен.

Фан Ди испуганно замахал руками:

— Брат, ну что ты хоронишь его раньше времени! Гадатель ведь божился, что их судьбы с Цзян Жаном подходят друг другу идеально. Стоит совершить обряд, и болезнь как рукой снимет!

Сам Фан Ди, конечно, мало верил в эти предсказания, но не мог смириться с мыслью, что племянник угаснет на глазах. Каким бы бездельником ни был Чжуншань, он оставался родной кровью.

Старая госпожа Фан и вовсе зашла в истерику, припав к лицу внука:

— Соколик мой! За что ж тебе доля такая горькая! Если ты помрёшь, старая я куда денусь?!

В комнате поднялся невероятный шум. Кто-то плакал, кто-то бежал за братьями — воцарился сущий кавардак.

Именно этот невыносимый гвалт и вернул Фан Чжуншаня к жизни.

Тело ломило так, словно по нему проехался гружёный грузовик. Сквозь липкий туман забытья и оглушительный плач он силился ухватиться за ускользающую мысль.

«Что происходит? Кто так орёт?»

Мысли ворочались лениво и туго.

«Я ведь сорвался со скалы... Разбился насмерть. Откуда эти крики?»

Сомнений в собственной кончине не было. Попробуй выживи, пролетев добрую сотню метров по каменной круче.

В душе поднялась глухая досада на свою невезучую судьбу.

Все двадцать пять лет его короткой жизни напоминали затянувшийся кошмар. Безвременно ушедшая мать, нищее детство, вынужденный уход из университета из-за нехватки денег на учёбу... Спасением стала армия, но стоило отслужить и вернуться, как от болезни сгорел тихий, работающий отец.

Оставшись круглым сиротой, Чжуншань не нашёл ничего лучше, как вернуться в глухую родную деревню и продолжить дело отца — собирать и продавать горные травы.

Старые травники поначалу удивлялись: молодой парень, а не рвётся в душный город, терпеливо переносит тяготы отшельнической жизни. Из симпатии они охотно делились с ним секретами ремесла и учили понимать язык гор.

Чжуншань оказался парнем толковым и основательным. За несколько лет он заслужил доброе имя среди знатоков, и жизнь вроде бы потекла своим чередом, но проклятый злой рок настиг его и здесь. Один неверный шаг на скользком уступе — и затяжной полет в бездну.

Фан Чжуншань лежал неподвижно, пытаясь осознать происходящее. Фантомная боль от ударов о камни всё ещё отдавалась в костях, но слух отчётливо улавливал причитания на каком-то странном, едва понятном диалекте.

Это казалось бессмыслицей. Некому было оплакивать его бездыханное тело. У него попросту не осталось ни близких, ни друзей.

«Да замолчите вы наконец... Я разбился в лепешку, остыл уже давно, дайте душе спокойно уйти!»

Но крики над самым ухом становились лишь громче и истошнее:

— Внучок мой! Соколик! Позовите лекаря, скорее!

Старческий, визгливый голос дрелью сверлил виски. Голова раскалывалась.

«Да чтоб вас черти драли!»

Выругался про себя Чжуншань и, преодолевая ломоту во всём теле, попытался открыть глаза. Ему во что бы то ни стало хотелось взглянуть на этого неугомонного крикуна, не дающего ему отойти в мир иной в тишине и покое.

<http://bllate.org/book/19394/1934109>